

Алексей
КАЗАНЦЕВ

2207

В СТИЛЕ «РЕТРО»? НЕТ, В СТИЛЕ «СЕГОДНЯ»!

ДАЖЕ на моей памяти относительно молодого драматурга письменных и устных дискуссий о драматургии было много. Говорилось много интересного, полезного, но много и странного...

Я, конечно, не против дискуссий. Но не прокручиваются ли они иногда на одном и том же месте, в кругу одних и тех же нерешенных проблем?.. Проходят годы, и то, что в драматургии иногда подавалось как «нужное» и «важное», оказывается простой поделкой, а в памяти и в сердце остаются пьесы, имевшие порой непростую судьбу. Да хотя бы та же «Утиная охота», ставшая чуть ли не этапной пьесой в драматургии последних лет. А. Вампилов погиб, так и не увидев эту свою пьесу на сцене. Сейчас «Утиная охота» идет сразу в двух московских театрах... Да и вообще идет... И все же берешь ручку и пишешь статью «в дискуссии», наверное, потому, что желание сказать хоть ненадолго что-нибудь «разумное, доброе», а вдруг и «вечное» — такое желание не оставляет, наверное, любого пишущего человека.

Я не могу говорить о драматургии в отрыве от остальных театральных дел. Все в театре взаимосвязано, все взаимозависимо. Когда-то давно, уже кажется, что в другой жизни, я был артистом, потом стал заниматься режиссурой, писать пьесы. Для меня театральное дело — это не только письменный стол, а еще и репетиции, общение с артистами... В театре есть нечто непостижимое, какая-то великая фантазмагория... А прелесть интриги! Буйство конфликтов! Когда в результате одинаково жаль и победителей, и побежденных! Глядишь — усиленно тянут одеяло на себя. Приглядишься — оказывается, и одеяла-то нет. Но все равно тянут. Загадочно... Я всегда хотел написать пьесу о театре. Но, оказывается, писать о том, что знаешь слишком хорошо, труднее, чем писать, например, о том, чего не знаешь. Все время ощущение, что до самой главной правды так и не добрался. В любом театре, как и во всей жизни, существуют рядом любовь и ненависть, взлеты таланта и ремесло, удивительная порядочность и столь же удивительная беспринципность... Это вообще в театре. А что конкретно на сцене?

Мы найдем немало театров, где артисты и режиссеры говорят дома одно, за кулисами — другое, на сцене — третье. Такое «растроение личностей» — явление весьма частое. По таким законам иногда живут целые театральные коллективы. Живут в святой уверенности, что жизнь — жизнь, а сцена — сцена. И когда в такой театр попадает пьеса достаточно правдивая — это ставит многих в тупик. Ведь реали-

стическое искусство, как и любое настоящее искусство, требует мужества. «Рождественские картинки» мужества не требуют. Участвовать в них спокойно, но со временем оказывается, что действительная, а не придуманная жизнь мстит за то, что ее не заметили. Мстит опустошенностью. Можно долго играть на сцене в придуманный мир, но рано или поздно несоответствие двух правд, двух миров убивает артиста, режиссера, драматурга... Нить доверия между сценой и зрительным залом обрывается. «Мне бы ваши заботы», — усмехается зритель.

Иногда, когда сидишь на спектакле в галерее зрительного зала и внимательно вглядываешься в то, что происходит на сцене, странные мысли начинают волновать тебя. Кто это — те, которые ходят по сцене? Они делают вид, что они люди. Но я точно знаю, что они — не люди. Люди — те, которые окружают меня в жизни, они и умнее, и сложнее, и интереснее тех, что бродят по сцене... Так кто же те загадочные создания, которые прикидываются, будто они — это мы?.. Зачем они вышли к нам?.. Зачем говорят примитивные слова и складывают их в примитивные мысли?.. Зачем?.. И исчезают потом, как макбетовские ведьмы, не оставив ничего, кроме горечи обмана.

Перед каждым человеком жизнь ежедневно ставит массу проблем. Мы иногда и не догадываемся, что творится в душе того или иного внешне вполне благополучного человека, какие сложнейшие задачи он решает для себя. Мы, наверное, для того и пишем, чтобы в меру своих сил постараться осветить «внутреннюю суть вещей». Записать же то, что видит глаз (и

ДРАМАТУРГИЯ 80-х: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ

только), — дело нетрудное и достаточно формальное... Пьеса должна потрясать, волновать... А иначе кому она нужна?

В финале «Ромео и Джульетты», «Оптимистической трагедии» — горы трупов, кровь льется рекой, страдания, предательства, убийства... Но кому придет в голову сказать, что это «мрачные» пьесы? Никому. Потому что заряд доброты и веры в человека колоссален. Важны не отдельные «мрачные» слова или отдельные «мрачные» ситуации, а важно, куда направлена энергия пьесы. Попробуем перечислить вкратце основные ситуации и события «Трех сестер»... Раньше, при жизни отца, в доме было весело, хорошо, теперь не то; Ольга одинока; Ирина тяготеет своей работой; Маша живет с нелюбимым мужем; у Вершинина полусумасшедшая жена; Наташа постепенно выживает из дома сестер, гонит 80-летнюю старуху няню, Андрей в конце концов закладывает дом (все проиграл в карты), жизнь его не сложилась; Соленьи убивает Тузенбаха; а еще — пожар (зачем Чехову пожар? зачем он «нагнетает» события?); а еще — запой Чебутыкина; а еще — «у Наташи романчик с Протопоповым»... и еще, и еще... Нестяж конца ужасам. «Мрачная» пьеса? Ничего подобного. Одна из самых светлых пьес мировой драматургии. Значит, дело не в словах и даже не в ситуациях... А в чем же? В «Смерти Тарелкина» А. В. Сухово-Кобылина вообще нет даже намека на положительного героя, какие-то нелюди, а заряд жизнелюбия в пьесе огромен. В оптимистической «Бане» В. Маяковского почти все герои резко отрицательные, а положительные выписаны куда менее интересно... Положительный герой — это не обязательно конкретный человек, положительным героем пьесы часто становится сумма понятий...

Наверное, сказать со сцены правдивые, хорошие слова (и только) — это еще не искусство, а вот потрясти зрителя, перевернуть его душу так, чтобы он сам до этих слов дошел, — вот тут, может, оно и начинается... По крайней мере, классики писали, кажется, так. Изобрести же новую теорию построения драмы пока никому не удалось... Впрочем... Люди ведут свой счет, а Время — свой. Знание истории позволяет не изобретать по десять раз один и тот же велосипед... Но важно знать историю не только ушедших веков. Ведь то, что было десять, двадцать лет назад, — это тоже история... И — повторяю — в недавнем театральном прошлом мы с удивлением обнаруживаем достаточное количество добрых, талантливых, общепризнанных (сейчас) пьес, которые совсем еще недавно казались ненужными, мелкотемными. А на смену им сейчас же пришли новые пьесы — «возмутители спокойствия»... Процесс продолжается...

Мне, конечно, трудно быть объективным, но если постараться посмотреть глазами зрителя на сегодняшний театр... Трудно раздавать точные определения, это дело критиков. Про себя же могу сказать: последние сезоны мне часто бывает очень интересно смотреть на сцену... Жвачки становится меньше. Все чаще появляются серьезные, глубокие пьесы и поразительные режиссерские работы... Когда-то, в 20-е годы, Москву во всем мире по праву называли театральной Меккой. И вот сейчас иногда кажется — не стоим ли мы на пороге какого-то нового, необычайно серьезного этапа развития русского советского театра? По крайней мере, некоторые работы наших ведущих и молодых режиссеров наталкивают меня на подобные оптимистические рассуждения. Может, и ошибаюсь. Но бьется о стены театров, ищет себе дорогу новый язык... И, думается, новый не только для нашего театра...

Хорошо, что наша критика столько внимания уделяет сейчас молодой драматур-

гии. Думается, это внимание — явление беспрецедентное. Только не нужно, мне кажется, противопоставлять друг другу (как это, к сожалению, иногда делается) драматургов разных поколений. Действительно, появилось много интересных новых пьес. Но так ли относительно благополучно развивался бы этот процесс, если бы не активная творческая и человеческая помощь А. Арбузова, В. Розова, А. Салынского, А. Штейна, других наших ведущих драматургов?.. В этом истинно гражданская позиция. Вообще драматургический цех довольно терпим друг к другу и (в основном) миролюбив. (Не спазмизм был!) «Зачем толкаться? Всем места хватит». Не лучше ли честно делать свое дело, в меру сил и способностей? Идет сложный, непрерывный, во многом еще непонятный процесс развития, в котором принимают активное участие драматурги всех поколений. Идет — и это самое главное. Пьесы, мне кажется, становятся все более многоголосными, полифоническими... В них, как в симфоническом произведении, переплетаются многие темы, а главная тема не подается напрямую.

Когда я слышу рассуждения руководителей некоторых театров о том, что «нет пьес. Нечего ставить...», я твердо знаю, что театр этот просто не хочет искать и рисковать, а хочет спокойной жизни. Ведь интересных пьес за последние сезоны появилось много. Это и пьесы, рассказывающие о первых годах жизни нашей страны — «Так победим!» М. Шатрова, «Молва» А. Салынского, «Обвал» по М. Джавахидову... И произведения на морально-этические темы — «Наедине со всеми» А. Гельмана, «Картина» по Д. Гранину, «Смотрите, кто пришел!» В. Арго, «Взгончик» Н. Павловой, «Порог» А. Дударева, «Печка на колесе» Н. Семеновской... Уже репетируются новые пьесы М. Рошина, Э. Радзинского, В. Славкина, А. Галина. Сколько же пьес «хороших и разных»?.. А сколько тех, мимо которых почему-то прошли? Например, пьеса Л. Петрушевской «Уроки музыки» так до профессиональной сцены и не дошла. А уже появляются и совсем новые имена. Нина Садур, например... Движение продолжается... «Мы длинной вереницей идем...»

Пьесы так называемой «новой волны» еще совсем недавно принято было, как правило, обвинять в излишней заземленности, погруженности в быт и т. д. Помню даже названия одной из статей — «Неонатурализм этого не дано»... Такие названия напоминаются на всю жизнь. Но вот в целом ряде статей промелькнул и иной взгляд на эти пьесы. С большим интересом прочел я, например, в «ЛГ», в дискуссии по драматургии 80-х, статью Н. Велеховой. Автор не ругает или хвалит. Автор разбирает. И размышления о скрытой в глубине, надбытовой линии «новых» пьес мне кажутся верными. Конечно, можно увидеть в моем «Старом доме» только смакование слюкот коммунальной квартиры или в «Смотрите, кто пришел!» — пикантные, скандальные подробности: парикмахер торгует дачу у интеллигенции. Но не об этом авторы писали и за чей-то чересчур прямолинейный взгляд на их пьесы отвечать, мне думается, не должны.

Как правило, любая, даже самая хорошая пьеса добирается до сцены два-три года. Бывает — пять-шесть лет. Много это или мало? Много, и очень. Стремительно движется времени сегодня. И даже серьезная пьеса, не однажды, что-то теряет от долгого пути на сцену. Атмосфера жизни становится другой. И часто мы смотрим пьесы как бы в стиле «ретро». В стиле «сегодня» пьес и спектаклей гораздо меньше. Казалось бы, ясно: есть пьеса, есть театр, который хочет ее поставить, все в порядке. Однако по пути к сцене автору часто высказываются совершенно противоположные пожелания о том, как пьесу дописывать и переписывать...

Мне, кажется, везло в жизни. Очень много встречал я людей, которые помогали рождению моих пьес на сцене. А если давали советы, то тактично, мудро, деликатно. Не так давно состоялась премьера моей пьесы «...И поврется серебряный шнур» в Театре имени Вл. Маяковского. Я видел, с каким вниманием, как подробно «вчитывались» в нее режиссер Е. Азарев, исполнитель центральной роли А. Азарев, другие участники спектакля... Активно поддерживали работу над пьесой главный режиссер театра А. Гончаров, сотрудники литературной части Т. Браславская и В. Дубровский.

Но, к сожалению, так бывает не везде. И у меня, и у других драматургов были в жизни случаи и иного порядка. Когда убийство пьесы происходит в Театре (то есть именно там, где пьеса должна рождаться, а не умирать), этому в большинстве случаев нет оправдания. К сожалению, таким понятием, как театральная этика, руководители ряда современных театров себя не обременяют...

КРУГОМ бушует океан жизни. Такой понятный и такой загадочный одновременно. Мы живем в «прекрасном и яростном мире», где уникальные достижения человеческого разума сочетаются со средневековым вандализмом. Нужно учиться мужественно смотреть в глаза этому миру, чтобы хотя бы ненадолго не обмануть самого себя, а следом за собой — читателей, зрителей. Одинаково важно пытаться понять происходящие в мире события, движение жизни на земле — и так же важно понять, о чем думает, например, этот старый человек, одиноко сидящий на скамейке в парке. Потому что и он — тоже целый мир... Он личность. Он неповторим. Его никогда не было на земле. И никогда больше не будет. Он живет только сейчас.

Вспоминаются слова: «А написанная жизнь проходит мимо...» Вот тут и видится мне одна из основных задач драматургии... Нельзя, нельзя, чтобы мимо нас проходила эта самая настоящая жизнь, уступая (и часто) на сцене свое место жизни придуманной или ловко подтасованной.

Ну, а что касается дискуссий (и устных, и письменных) — это прекрасно. Вот только... как бы так сделать, чтобы мы годами не дискутировали об очевидном?..